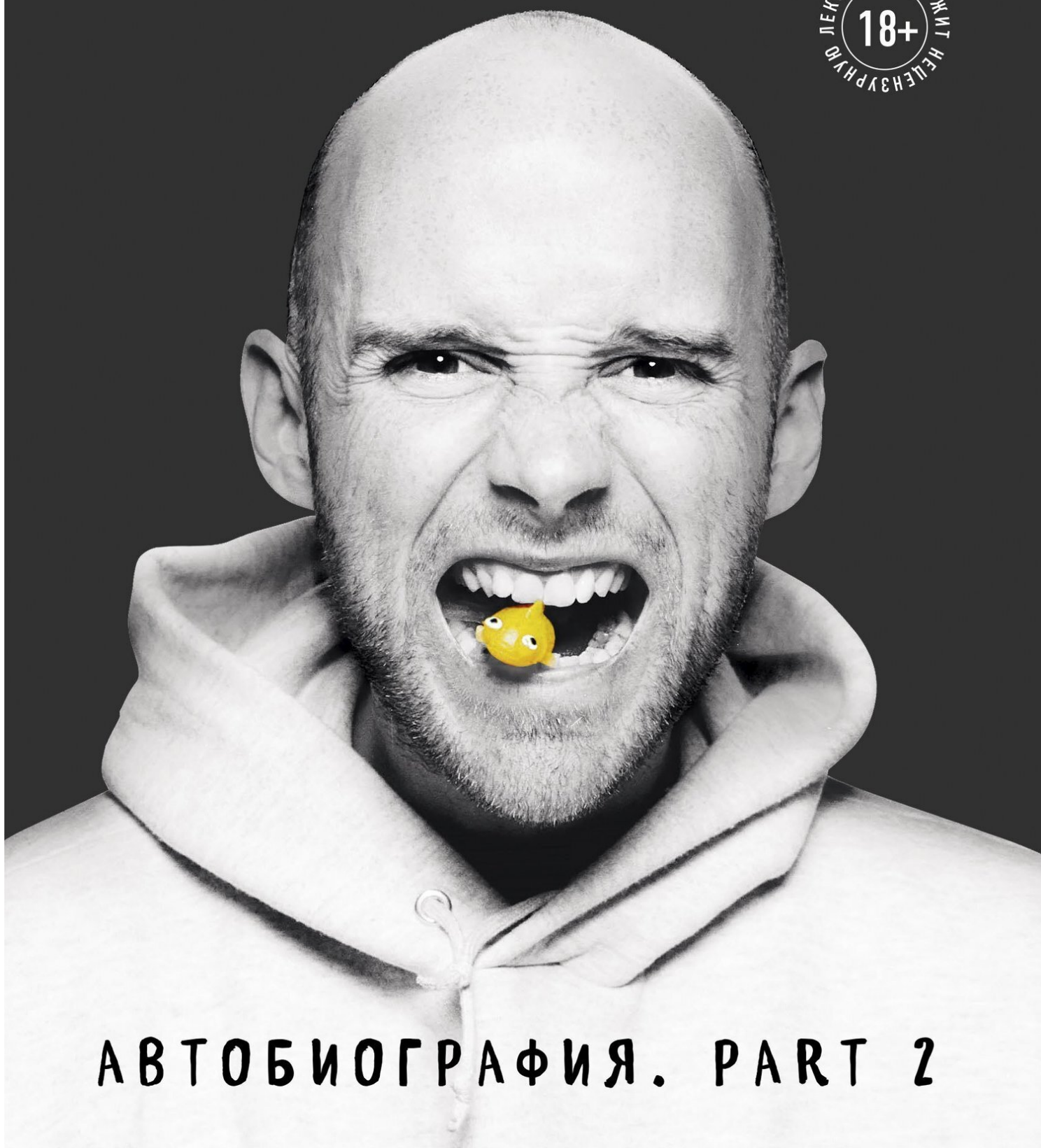

ВСЁ ЛЕТИТ К ЧЕРТЯМ МОБИ

ЛЕКСИКУ СОДЕРЖИТ
18+
НЕЦЕНЗУРНУЮ

АВТОБИОГРАФИЯ. ПАРТ 2

Моби Моби

**Всё летит к чертям.
Автобиография. Part 2**

«ЭКСМО»

2019

УДК 785(410)
ББК 85.318

Моби М.

Всё летит к чертям. Автобиография. Part 2 / М. Моби —
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-114212-4

Продолжение мемуаров Моби вновь возвращает вас в 1999 год. Год, когда вышел культовый альбом PLAY, сделавший из Моби суперзвезду. Эта книга — отвязная, непристойная и все же поучительная история, раскрывающая мир славы, полный демонов и пустоты. С иронией и предельной честностью он рассказывает про все свои глупые выходки и внезапные мудрые открытия, про безудержную рейв-сцену нулевых, тусовки с Мадонной и Дэвидом Боуи и экстремальную диету из водки и экстази на завтрак. И про то, как этот безумный мир однажды развалился на части. Содержит нецензурную брань!

УДК 785(410)
ББК 85.318

ISBN 978-5-04-114212-4

© Моби М., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Нью-Йорк, 2008	6
Часть первая	8
Нью-Йорк	8
Нью-Йорк	12
Лондон, Англия	15
Сан-Франциско, Калифорния	18
Нью-Йорк	21
Остин, Техас	24
Олд-Сэйбрук, Коннектикут	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Моби

Всё летит к чертям

Автобиография. Part 2

«Невероятно увлекательное путешествие по жизни музыканта, чья скромная внешность противоречит дикости, которая может соперничать с любыми рок-н-ролльными мемуарами».

LA Daily News

Предисловие

В 2016 году вышли в свет мои первые мемуары «Porcelain», описывающие странную жизнь их автора в Нью-Йорке с 1989 по 1999 год. Когда я завершил работу, вместо того, чтобы вернуться к прежним делам, продолжил писать. Создаваемый текст был логическим продолжением первой книги. Повествование начиналось с того места, где оно в ней закончилось. Но одновременно я накидывал и традиционную автобиографию. Это была история моей жизни со дня рождения и примерно до того момента, с описания которого стартовали «Porcelain».

В начале 2017 года в Нью-Йорке мне пришла в голову мысль объединить в одну книгу все, что написано после первых мемуаров. Именно это я и попытался сделать в «А потом все рассыпалось». Смею надеяться, что мое неблагополучное детство поможет читателю понять нарастающий из года в год ужас моей взрослой жизни. На прыжки во времени, которые я позволил себе делать в изложении хода событий, меня вдохновила «Бойня номер пять»¹. Получилось вроде неплохо, только вот жаль, что я лишен гениальности Курта Воннегута.

Как и в «Porcelain», я изменил в этой книге некоторые имена и подробности, но все, описанное в ней, произошло на самом деле.

С благодарностью,

Моби

---

¹ «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» – автобиографический роман американского писателя Курта Воннегута о бомбардировке Дрездена союзными войсками Великобритании и США в 1945 году. Книга входит в список ста лучших англоязычных романов, написанных с 1923 года.

Пролог

Нью-Йорк, 2008

Я хотел умереть. Но как?

Во мне было пятнадцать порций алкоголя, доза наркотика на 200 долларов и горсть обезболивающего. Я ввалился домой в четыре утра, одинокий и подавленный, и шараясь из комнаты в комнату, всхлипывая и повторяя: «Мне просто хочется сдохнуть!»

Через час удалось сосредоточиться и прикинуть варианты.

Я все еще оставался белым американским протестантом из Коннектикута, который обязан думать о других, даже собираясь умереть. Поэтому, прежде чем убить себя, мне следовало не забыть отпереть входную дверь и прикрепить к дверной ручке записку о собственном самоубийстве. Чтобы те, кто захочет войти в мою квартиру, смогли прочесть ее и узнать, чего ожидать. Тогда они были бы не слишком шокированы, обнаружив мой труп.

В последние несколько лет депрессия у меня усилилась, и подобные ночи становились нормой.

Я был одиноким алкоголиком и отчаянно хотел любить кого-то. И чтобы меня любили в ответ. Но каждая попытка сближения с другим человеческим существом приводила к паническим атакам, которые оставляли меня одиноким и изолированным.

Несколько лет я успешно сочинял музыку и продал десятки миллионов записей. Но сейчас моя карьера трещала по швам.

Я не мог обрести ни любви, ни славы и поэтому пытался купить счастье. Тремя годами раньше моим достоянием стала роскошная квартира в пентхаусе в Верхнем Вест-Сайде Манхэттена – за шесть миллионов долларов наличными. Это был дом моей мечты: апартаменты на пяти этажах в верхней части знаменитого высотного здания с видом на Центральный парк. В детстве я жил на продуктовые талоны и социальное пособие. Поэтому мне казалось, что переезд в замок на небесах принесет долгожданное счастье. Но стоило мне перебраться в пентхаус в Верхнем Вест-Сайде, и меня охватили те же печаль и тревога, как и в маленьком лофте на Мотт-стрит².

Я продал «небесный замок», вернулся в даунтаун и снова окунулся в разгул. Заклеил окна фольгой и по выходным устраивал оргии, на которых правили бал спиртное и наркотики. Но чем глубже было мое падение, тем сильнее становились ненависть к себе и чувство одиночества.

Мне оказался недоступен мир славы и успеха. Но именно в нем моя жизнь имела значение и смысл. И единственной передышкой от тревоги и депрессии были ежевечерние час или два, когда я, набравшись водки и наркотика, искал человека, который был бы достаточно одинок и полон отчаяния, чтобы пойти со мной.

Незадолго до того я решил купить бар и превратить его подвал в светонепроницаемую квартиру. Мне казалось, что счастье придет, если жить по ночам. Я собирался спать в подвале бара, просыпаться в шесть вечера, ужинать, а затем ближе к ночи начинать пить и принимать наркотик. Я гулял бы до восьми утра, потом принимал бы горсть снотворного и обезболивающего, и спал бы до назначенных 18.00. Так, подобно тревожному, сломленному носферату³, я мог бы провести остаток своих дней или лет, пока мне не пришел бы милосердный конец.

---

² Лофт на Мотт-стрит Моби приобрел в 1995 году. Позднее, после крупных вложений в ремонт помещения, музыкант продал апартаменты.

³ Носферату – синоним слова «вампир».

Десятилетиями я находил счастье в алкоголе и наркотиках. Но спиртного и наркотика требовалось все больше и больше, а похмелье могло мучить меня по несколько дней. Я стал испытывать его почти непрерывно и в таком состоянии не мог связно говорить или даже вспомнить самые простые слова.

У меня возникали смутные мысли о том, чтобы протрезветь, но они пропадали через пару дней воздержания. Я ходил на несколько встреч «Анонимных алкоголиков». Мне нравилось смотреть на покрытых татуировками красивых женщин-алкоголичек, но в конце концов это удовольствие перестало меня тешить: я пришел к выводу, что такая вот сознательная трезвость не для меня. И снова начал пить. Продолжал покупать наркотик, продолжал глушить похмелье горстями таблеток. И продолжал желать смерти и ждать ее.

Каждый день повторялся один и тот же сценарий: выбравшись из постели ближе к концу дня, я плелся в ванную, вставал под душ и снова и снова повторял одно слово – «черт».

Например: «Черт, опять похмелье». Или: «Черт, меня тошнит». Или: «Черт, я такой идиот». Или: «Черт, я ненавижу себя».

У меня возникали смутные мысли о том, чтобы протрезветь, но они пропадали через пару дней воздержания.

Меня согревала одна надежда: может быть, завтра «черт» не прозвучит после моего пробуждения – потому что, может быть, завтра я, наконец, буду мертв.

Итак, той ночью, о которой идет речь, я снова вернулся к вопросу: как свести счеты с жизнью. Повеситься или вскрыть вены – это казалось мне слишком жестоким. Также мне было известно, что таблетки не всегда срабатывают: иногда человек просто выблевывает их и остается жив, но получает серьезные повреждения печени и мозга.

Я пошел на кухню, встал на колени и нашел под раковиной коробку с черными мусорными мешками. Взял в руки один из них и огляделся. Когда я покупал эту квартиру в 1995 году, она была пустым складским помещением в здании XIX века. Но спустя год работы с местным архитектором я обрел первый настоящий дом. Он был красивым, с мансардными окнами и высокими потолками, с белыми кирпичными стенами и шкафчиками из кленового дерева в кухне.

Здесь я записал большую часть альбомов, от проданного десятиmillionным тиражом Play до последней записи, «Last Night», которая разошлась тиражом всего лишь сто тысяч экземпляров.

Здесь я влюблялся и терял любовь. Здесь я ужинал с матерью и бабушкой – теперь они обе мертвы. Я показывал эту свою студию Лу Риду⁴. Я сидел в гостиной на современном датском диване из тикового дерева с темно-зеленой обивкой стоимостью 8000 долларов и играл на акустической гитаре «Heros»⁵ вместе с Дэвидом Боуи⁶.

В детстве я думал, что если смогу выпустить хотя бы одну запись и выступить перед сотней людей, то буду счастлив. Сейчас длинная высокая стена от входной двери до кухни была покрыта десятками моих золотых и платиновых пластинок, а я был несчастен. Спустя целую жизнь, полную непонятной печали, мне приходилось признавать свое поражение.

Я построил этот дом. Здесь я и умру.

Я взял черный мешок и лег, откинув голову на подушку. Прошептал: «Господи, прости меня!» – и закрыл глаза.

---

⁴ Льюис Аллан Рид – известный американский музыкант и певец.

⁵ «Heros» – культовая композиция Дэвида Боуи, которую очень любит Моби.

⁶ Дэвид Боуи – знаменитый британский рок-музыкант и певец, автор песен, продюсер, художник, актер.

Часть первая

Странные места, о которых я не знал

Нью-Йорк (1999)

Play вышел неделю назад и находился на грани провала.

Было начало мая. Я шел вверх по Четвертой авеню от моего лофта на Мотт-стрит к Юнион-сквер – мимо строений, которые полтора века назад считались самыми красивыми зданиями Нью-Йорка. Слева от меня стояла колоннада. В XIX веке это был ряд домов, стилизованных под греческий акрополь, а сейчас от них осталось только несколько колонн из известняка, за полтора столетия покрывшихся черно-серыми пятнами от фабричного смога и выхлопных газов.

Я был одет в свою обычную униформу: старые джинсы и черные кроссовки. Мои руки прятались в карманах армейской куртки из комиссионного магазина. Свет послеполуденного солнца растекался по длинным городским кварталам, лаская стены старых каменных зданий.

Я работал над Play предыдущие два года, и казалось, что это будет мой последний альбом – ущербная и плохо сведенная лебединая песня. Сам его выпуск уже был чудом. Год назад я потерял контракт со знаменитым лейблом – крупной звукозаписывающей компанией «Elektra». Еще до выпуска Play большая часть людей из музыкального бизнеса потихоньку решила, что я вышел в тираж. И отправила меня на свалку.

Потере контракта я не удивился и не расстроился из-за этого. Дело в том, что мой предыдущий альбом, Animal Rights, провалился почти во всем, в чем только можно было провалиться. Он плохо продавался, он получил ужасные отзывы. «Elektra» служила домом Metallica и другим суперпопулярным музыкальным группам, продававшим миллионы пластинок. Если смотреть объективно, решение избавиться от меня было оправданно, поскольку все указывало на то, что мои лучшие годы уже позади. В начале 1990-х я казался техно-вундеркиндом, но десятилетие спустя так и не оправдал ожиданий, которые позволили мне сотрудничать с флагоманом американской звукозаписи.

Моя мать умерла, я почти постоянно боролся с паническими атаками, пил по 10–15 стаканов спиртного за вечер, и у меня кончались деньги. Но сегодня я был счастлив, потому что мне позволили выпустить еще один, последний, альбом.

У меня все еще был контракт с «Mute Records» в Англии, но они никогда не отказывали в своих услугах мало-мальски известным артистам. Поэтому мне казалось, что решение нью-йоркского лейбла «V2» выпустить Play было продиктовано либо милосердием, либо заблуждением.

Я прошел мимо бывшего здания отеля «Ritz» на 11-й улице. Здесь в 1982 году, когда мне было 15 лет, состоялось первое выступление Depeche Mode в Соединенных Штатах. Увидев музыкантов с синтезаторами и стрижками «новой волны», я обрел мечту: когда-нибудь сыграть собственный сольный концерт в «Ritz» перед несколькими тысячами человек. И вот мне 33 года, дни моей славы остались позади, а сегодня вечером мне предстояло выступить в подвале магазина грампластинок для полусотни человек. Я пригнул голову, защищаясь от холодного ветра, и побрел дальше – вверх по Четвертой авеню.

Я работал над Play последние два года, сочиняя и записывая музыку на старом оборудовании в маленькой домашней студии в квартире на Мотт-стрит. Сейчас, когда альбом вышел, стало понятно, что в нем нет ничего, что могло бы обеспечить ему успех. Он был плохо сведен, и, помимо моего собственного слабенького голоса, в нем звучали записанные 40–50 лет назад голоса давно умерших певцов, например Бесси Джонс⁷ и Билла Лэндфорда⁸. Мне казалось, что Play скоро забудут, ведь 1999 год принадлежал Бритни Спирс, Eminem и Limp Bizkit – популярным исполнителям, которые записывали альбомы в дорогих студиях и умели создавать песни, хорошо звучащие на радио.

В последние несколько лет со мной не происходило ничего особо хорошего. Моя мать умерла, я почти постоянно боролся с паническими атаками, пил по 10–15 стаканов спиртного за вечер, и у меня кончались деньги. Но сегодня я был счастлив, потому что мне позволили выпустить еще один, последний, альбом.

После сегодняшнего концерта в подвале магазина «Virgin» на Юнион-сквер у меня и моей группы был запланирован двухнедельный тур по небольшим площадкам в Северной Америке, а затем – две недели выступлений на небольших площадках в Европе. Идея играть маленькие концерты, а по утрам просыпаться на парковках, страдая от похмелья, не нравилась никому. Но я был рад провести месяц на гастролях в последний раз... После этого моя карьера профессионального музыканта закончится, думал я, и потом мне удастся разобраться, чем еще можно занять остаток жизни.

Для этого короткого тура я собрал небольшую группу⁹: Скотт, темноволосый красивый барабанщик, с которым я работал с 1995 года; Грета, высокая, покрытая татуировками бас-гитаристка с торчащими во все стороны выбеленными волосами; на клавишных и вертушках – Спинбад, диджей-комедиант с бритой головой и ухоженной бородкой. Я собирался спеть несколько песен. При этом большая часть сэмплов¹⁰ с женским вокалом шла в записи, потому что у меня не хватало денег, чтобы нанять настоящую певицу.

Я свернул на Четырнадцатую улицу и вошел в магазин пластинок, держа в руке запотевшую бутылку воды «Poland Spring», купленную с лотка у продавца кренделей. Спустился на эскалаторе в подвал: там мои музыканты и техники готовили оборудование к концерту. У меня все еще работали три менеджера; одна из них, Марси, стояла возле сцены и ругалась с управляющим магазином. У Марси были буйные рыжие кудри, и сама она была невысокой, яростной и верной. Управляющий порывался от нее сбежать.

– О, Мо! Как ты?

– Похмелье, – ответил я. – Когда начинаем?

– Должны в семнадцать тридцать, но я полагаю, что можно передвинуть начало на шесть, – сказала она, агрессивно улыбаясь управляющему. Он должен был соглашаться с любыми ее планами.

– Хорошо, – со скукой на лице сказал он. Перед настойчивостью Марси в конце концов сдавались все. – Но вам нужно закончить в восемнадцать тридцать.

---

⁷ Бесси Джонс – афроамериканская певица, исполнявшая песни народного фольклора времен рабства в США. Записи ее а капелла были собраны в издании «Звуки Юга» фольклористом Аланом Ломаксом. Позднее этот сборник попал в руки Моби. Сэмплы, взятые со сборника, стали основами самых знаменитых композиций музыканта, таких как «Natural Blues» (а капелла Веры Холл «Trouble So Hard»), «Flowers» (а капелла Бесси Джонс «Green Sally Up»), «Honey» (а капелла Бесси Джонс «Sometimes») и др.

⁸ Певец Билл Лэндфорд выступал с группой Bill Landford and Landfordaries, которая была популярна в конце 40-х – начале 50-х годов прошлого столетия. Почти вся их песня «Run On for A Long Time» была переложена Моби в сэмплы для трека «Run On» из альбома Play. Стоит отметить, что большая часть альбома построена на сэмплах, причем не только вокальных, но и инструментальных.

⁹ Увидеть названную гастрольную группу Моби можно в записях концертов Bizarre Festival 2000, Palladium Cologne, Germany 2000 и др.

¹⁰ Сэмпл – оцифрованный звуковой фрагмент.

- Пойдет, Моби? – спросила Марси.
- Да, наверное. – Я пожал плечами и пошел к группе и техникам.
- Привет, Мо! – сказал Дэн, постановщик света. – Как ты?
- Похмелье.

Дэн был британцем и имел высокую зеленую прическу «ирокез». Вообще-то для этого выступления под флуоресцентными лампами в подвале магазина постановщик света нам был не нужен. Но Дэн все-таки пришел – потаскать оборудование и оказать моим ребятам посильную помощь. Сейчас он крутился в компании Стива, пугающе высокого и привлекательного техника по звуку, и Джея Пи, неизменно дружелюбного звукорежиссера из Манчестера, он когда-то работал с Happy Mondays.

Подошел мой новый тур-менеджер, Sandy, и спросил:

- Все в порядке, Моби?

Ростом чуть выше меня, он был красив – я завидовал его густым светлым волосам. Раньше он работал с успешными британскими рок-группами, и я удивлялся его желанию сопровождать меня в маленьких непримечательных гастролях.

Взял номер американского еженедельника «Melody Maker» и начал искать в нем рецензию на Play. Она там была. Альбом получил две звезды из десяти, и по большей части рецензия состояла из несправедливых оскорблений.

– Все хорошо, Sandy, а ты как? – вежливо спросил я. Ему, рок-н-рольному тур-менеджеру от Бога, гастрольные автобусы были как дом родной. Он был профессионалом своего дела, и я относился к нему с большим уважением.

Помимо моих ребят в подвале было совсем немного людей – несколько покупателей. Кто-то из них бродил вдоль магазинных полок, кто-то смотрел, как мы разбираем оборудование. Я вышел на маленькую сцену, взял в руки гитару и начал играть «Лестницу в небо» Led Zeppelin. Управляющий магазина возмущенно зашипел:

- До начала концерта вам нужно соблюдать тишину!
- И то верно, – смущенно сказал я и отключил гитару. Оглядел зал и подумал: «К концу моего тура с Animal Rights на концерты приходило всего около 25 человек. Если сегодня придут полсотни, будет рост посещаемости на 100 процентов».

Отложив гитару, я начал бродить по магазину, разглядывая стеллажи с дисками и кассетами, музыкальными журналами и книгами. Взял номер американского еженедельника «Melody Maker» и начал искать в нем рецензию на Play. Она там была. Альбом получил две звезды из десяти, и по большей части рецензия состояла из несправедливых оскорблений. У меня упало сердце.

- Ко мне подошла Марси.
- Что читаешь, Мо?
- Рецензию в «Melody Maker».
- И как она?

Я пожал плечами и отдал ей журнал. Марси прочитала текст и потрясла головой.

- Ну, зато рецензия в «Spin» была золотой! – сказала она с неуместной сияющей улыбкой.

Я собрал всю группу, снова поднялся на сцену и взял в руки гитару. Постучал по микрофону и оглядел помещение. Когда-то мне мечталось, чтобы на мое первое выступление пришло 50 человек. Сейчас в ярко освещенном подвале магазина я видел, что на нас смотрит всего около 30 человек.

Но, когда песня закончилась, несколько человек вяло похлопали, а остальные удалились: вернулись к своим делам.

– Привет, – сказал я. – Я Моби, а это «Natural Blues»¹¹.

И мы начали первый концерт тура Play. Я надеялся, что зрители увлекутся нашим исполнением, будут смотреть, как мы играем, и, возможно, не заметят, что женский вокал идет в записи и певицы на сцене нет. Но, когда песня закончилась, несколько человек вяло похлопали, а остальные удалились: вернулись к своим делам.

Мы сыграли «Porcelain»¹² и «South Side», «Why Does My Heart Feel So Bad?» и «Go»¹³, «Bodyrock»¹⁴, а закончили на «Feeling So Real»¹⁵. «Go» и «Feeling So Real» стали хитами в Европе, не раз я стоял на сцене на рэйвах¹⁶ и играл их перед десятками тысяч людей. Но сейчас я исполнял эти песни в подвале для трех десятков человек, которые нехотя аплодировали, а в это время компания молодых парней шумно искала на магазинных полках диски Hootie & the Blowfish.

Когда выступление закончилось и слушатели разошлись, мы с группой и техниками начали отключать микрофоны, разбирать барабаны и укладывать гитары в кейсы. Я улыбался. Весь следующий месяц моя жизнь будет именно такой, как сегодня, и мне этого было вполне достаточно.

---

¹¹ «Natural blues» – один из самых популярных треков из альбома Play. Композиция включает в себя засэмплированную версию а капелла Веры Холл «Trouble So Hard» с наложенным музыкальным сопровождением. Итоговым сведением трека занимался диджей-дуэт 1 Giant Leap.

¹² «Porcelain» – знаменитый трек из альбома Play, который был использован в качестве музыкальной темы в фильме «Пляж» с Леонардо Ди Каприо. Основным сэмплом трека является реверсированная версия отрезка композиции «Ernest Gold – The Oath», вокал Pilar Basso.

¹³ «Go» – трек, вышедший синглом в 1991 году и сделавший Моби популярным диджеем. Композиция включает в себя четыре сэмпла, основным из которых является сэмпл музыкальной темы «Laura Palmer's Theme» из культового американского сериала «Твин Пикс». Процесс создания этого трека Моби очень подробно изложил в своих мемуарах «Porcelain».

¹⁴ «Bodyrock» – один из танцевальных треков из альбома Play. В основе композиции лежит сэмпл из песни «Spoonie Gee and The Treacherous Three» – Love Rap.

¹⁵ «Feeling So Real» – трек из альбома Everything Is Wrong, ставший настоящим рэйв-гимном. Для съемок клипа к этой композиции Моби пришлось надеть женское платье и сделать макияж.

¹⁶ Рэйв – танцевальная вечеринка с электронной музыкой, привлечением диджеев и различных музыкальных групп, организованная в ночном клубе, на фестивале на открытом воздухе и др.

Нью-Йорк (1965–1968)

Мой отец въехал в стену и убил себя.

Они с мамой жили в подвальной квартире в Гарлеме вместе с собакой Джейми, кошкой Шарлоттой, тремя лабораторными крысами и со мной. Однажды вечером, сильно поругавшись с мамой, папа напился и въехал в опору моста на Нью-Джерси Тернпайк на скорости сто миль в час.

Он вырос в Нью-Джерси и после школы пошел в армию стрелком. Затем уволился из армии, переехал в Нью-Йорк, отрастил усы, длинные волосы и стал битником. В 1962 году папа познакомился с мамой в Колумбийском университете. Там он получал степень магистра по химии, а она работала администратором.

Мама была невысокой светловолосой американской протестанткой из Коннектикута. Они с отцом пили вино, курили, слушали пластинки Орнетт Колман, шатались по Нью-Йорку и в конце концов влюбились друг в друга. Тогда казалось, что грядет революция – художники, интеллектуалы и радикалы заново изобретают мир.

Они поженились в Нью-Джерси, и много лет спустя мама сказала, что я был зачат в подвальной квартире в Гарлеме под песню «A Love Supreme» Джона Колтрейна.

Поначалу в их мире царила идиллия, но затем вмешались банальности: аренда жилья, покупки, животные, которых нужно было водить к ветеринару. После того как 11 сентября 1965 года на свет появился я, мелодии с джазовых пластинок заглушились плачем младенца в колыбели. За стенами нашего дома во всю ширь разворачивалась «революция», а мои родители сидели возле меня в подвальной квартире в Гарлеме, нервно курили сигареты и меняли мне подгузники.

Начались ссоры. Отец, который тогда уже много пил, стал пить еще больше. Он начал исчезать на несколько дней, и тогда мама оставалась одна в холодной квартире наедине с плачущим грудным ребенком. Однажды вечером она пригрозила папе разводом, взяла меня на руки и ушла. Той ночью он въехал в опору моста и погиб.

После похорон мама отправилась на своем «Плимуте» 1964 года в Коннектикут вместе с собакой Джейми, кошкой Шарлоттой, лабораторными крысами и со мной. Мы поселились в Данбери, в маленькой квартирке, что располагалась в старом сером викторианском здании, стоящем по соседству с тюрьмой. У нас была маленькая кухня с круглой флуоресцентной лампой, гостиная-столовая с диваном из комиссионного магазина и старым черным столом, одна спальня, в которой спала мама, и маленький чулан, в котором спал я.

Однажды вечером она пригрозила папе разводом, взяла меня на руки и ушла. Той ночью он въехал в опору моста и погиб.

В сентябре 1968 года, когда мы прожили в Данбери год, мама спросила, какой подарок я желаю получить в свой третий день рождения. Я заказал хлопья «Kaboom». Мне так сильно хотелось наесться ими, что перед этим даже меркло желание получить какую-нибудь игрушку. Я любил эти жутко сладкие хрустящие штучки, и в мой день рождения мама разрешила мне съесть аж две тарелки хлопьев. Покончив со второй тарелкой, я попросил третью, но мама мне отказала. Я умолял – она была непреклонна. И напонила, как однажды меня рвало ими на ободранный линолеум на полу кухни. Стало понятно, что вожаемых «Kaboom» мне не видать. Я убежал в свой чулан и там, свернувшись клубком на раскладушке с металлической рамой, ревел в бледно-зеленое одеяло.

Чуть раньше в этот день мама подарила мне пластмассовый казу¹⁷. Я успокоился, и теперь, после пиршества с «Кабоом», мне казалось, что это лучшая вещь на свете. Весь день я носил его с собой, даже взял в ванну – проверить, будет ли он звучать под водой. Не звучал, как выяснилось. И я решил узнать, что получится, если в него закричать. Я громко закричал, казу издал жужжащий звук, и мама открыла дверь – посмотреть, что происходит. Поняла, в чем дело, и рассмеялась. Я все еще был немного расстроен из-за того, что не получил третью тарелку хлопьев, но тоже начал смеяться.

Потом я забрался в постель, чтобы поиграть в любимую игру «Ком в кровати». Я ползал под несколькими одеялами, а мама говорила: «В кровати какой-то странный ком!» Затем она пыталась меня (то есть «ком») легонько придавить. Она спрашивала: «Странный ком тут?», и я из-под кучи одеял говорил в казу: «Я не ком, а казу!»

Мы весело поиграли, и я высунул голову из-под одеяла. У мамы выступили слезы от смеха, и она сняла очки, чтобы вытереть глаза. «Почему ты плачешь?» – спросил я в казу.

Моя мама была красивой. Ее удивительные светлые волосы, отрастая, причудливо завивались. Ей нравились битники¹⁸. Она хотела остаться в Нью-Йорке, стать художницей и общаться с богемой в Гринвич-Виллидж. Но со мной она стала матерью-одиночкой, училась в местном колледже и жила по соседству с тюрьмой.

Я спросил в казу: «Почему ты плачешь?»

* * *

Несколько месяцев спустя мама окончила колледж и получила степень по английской литературе. Она не желала жить в Коннектикуте. Тогда битники массово переезжали в Сан-Франциско и становились хиппи. Она стремилась туда. Восточное побережье для нее было землей мертвого мужа, консервативных родителей и домов, что стояли рядом с тюрьмой. Калифорния же представлялась страной Джима Моррисона¹⁹ и Jefferson Airplane. Она мечтала быть вместе с толпами молодых людей, которые перебирались на запад, чтобы обрести новую счастливую жизнь рядом с бескрайним Тихим океаном.

В честь окончания колледжа родители подарили ей два билета до Сан-Франциско: один для нее, другой для меня. Когда мы стояли у выхода к самолету в аэропорту Джона Кеннеди, сотрудница «United Airlines» спросила меня, летал ли я на самолете раньше.

Она мечтала быть вместе с толпами молодых людей, которые перебирались на запад, чтобы обрести новую счастливую жизнь рядом с бескрайним Тихим океаном.

– Нет, – с грустью ответил я.

– Вот, это для тех, кто летит первый раз! – улыбаясь, сказала она и вручила мне большой желтый значок с изображением мультяшного аэробуса. Мы взошли на борт, и я сел на оранжево-коричневое сиденье, сжимая в руке неожиданный подарок. Собственных вещей у меня было не так уж много: казу, несколько мягких игрушек, несколько книг про слоненка Бабара. Но теперь я стал владельцем большого желтого значка, и он являлся неопровержимым доказательством того, что я летал на самолете!

---

¹⁷ Казу – американский народный музыкальный инструмент. Представляет собой металлический, деревянный или пластмассовый цилиндр с мембраной из папиросной бумаги.

¹⁸ Битники – люди с асоциальным поведением, не принимающие традиционные ценности. Далее по книге станет понятно, что мать Моби встречалась преимущественно с байкерами, хиппи и рок-музыкантами. Эти отношения каждый раз длились недолго и часто негативно сказывались на психологическом состоянии самого Моби. Так, в ходе одной из ссор любовник его матери пытался ее резать.

¹⁹ Джим Моррисон – американский музыкант и поэт, лидер группы The Doors.

После взлета бесплатно давали имбирный эль, и я его пил без меры. Когда же в третий раз за 90 минут сказал маме, что хочу писать, она рассердилась.

– Писай на сиденье, если так невтерпеж! – отрезала она.

Я понял, что у меня две мамы. Одна была веселая и спокойная, она смеялась, когда я кричал в казу. Другая мама была зла на весь мир и на меня. Я никогда не летал на самолете и не знал, что и как полагается делать. Поэтому написал на сиденье и тут же начал плакать.

– Что опять?! – мама повернулась ко мне. – Почему ты реवेशь?!

– Я написал на сиденье, и оно мокрое...

Она вздохнула и схватила меня в охапку. В туалете, во время процедуры мытья и смены одежды, она кричала:

– Я тебя не просила ссать на сиденье!

– Но ты так сказала...

– Это была ирония! – резко сказала она, забыв, что мне всего три года и я попросту не знаю, что такое ирония.

Я понял, что у меня две мамы. Одна была веселая и спокойная, она смеялась, когда я кричал в казу. Другая мама была зла на весь мир и на меня.

Вернувшись к нашим местам, она посадила меня на сложенное вчетверо одеяло. Спросила:

– Так хорошо?

Я боялся, что расплачусь, если заговорю, и поэтому молча кивнул.

Подошла стюардесса и ласково предложила мне пойти осмотреть верхнюю палубу. Я так удивился, что тут же забыл о мокром сиденье:

– А разве тут можно подняться вверх?!

Она взяла меня за руку, и мы пошли к металлической винтовой лестнице, ведущей на верхнюю палубу. Там несколько бизнесменов стояли у бара, курили сигареты и пили какой-то коричневый алкоголь.

– Этот парень никогда не летал на самолете! – с улыбкой обратилась к ним стюардесса, указывая на меня.

– Я никогда не летал на самолете! – сказал я бизнесменам, чтобы они точно об этом знали.

– Ну, возьми арахис! – сказал один из них и вручил мне пакетик арахиса. Пакетик был серебристо-голубой и выглядел так, словно он доставлен с другой планеты.

– Можно, я заберу его себе?

– Ха! Он ваш, сэр! – ответил бизнесмен, пожимая мою ладошку.

Стюардесса отвела меня вниз, к моему месту.

– Мама, – сказал я, – там дядя дал мне арахис! – И показал ей сверкающий пакетик.

– Здорово, – ответила она и снова уткнулась в журнал, что ей дали для чтения в полете.

Я откинул складной столик и начал играть с желтым значком и пакетиком арахиса с другой планеты.

Лондон, Англия (1999)

Я вряд ли стал искать веганские продукты²⁰ в районе Кингс-Кросс, потому что он представлялся мне мерзкой ямой, полной грязи и порока. Но я закончил саундчек²¹ и проголодался. На мне была обычная гастрольная униформа: джинсы, черная футболка, старая армейская куртка и черная бейсболка с логотипом нью-йоркской бейсбольной команды «Yankees», купленная в аэропорту Кеннеди перед вылетом в Великобританию. На дворе стоял июнь, но который день шел непрекращающийся холодный дождь. Мои кроссовки промокли.

Проститутки и торговцы наркотиками прятались под навесами автобусных остановок, торчали в дверных проемах, курили сигареты и уныло глядели на мокрые улицы. Сырое запустение Кингс-Кросс напоминало мне Таймс-сквер в 1970-е.

В нескольких кварталах от Scala – площадки, где мне предстояло выступить через несколько часов, – я нашел вегетарианский индийский ресторан. Много в моей жизни в 90-е годы отошло на второй план: христианство, трезвость, популярность. Но с тех пор, как в 1987 году я стал веганом²², мои убеждения ни разу не пошатнулись. Я мог бы упиться вусмерть или даже погубить свою бессмертную душу, но никогда не сделал бы ничего, что заставило бы страдать животных.

Я заказал рис и чечевицу с жареной картошкой и устроился на барном стуле. Окно ресторана изнутри запотело, а снаружи было исчерчено потеками дождя. Сквозь испарину на стекле и дождь я видел неясные очертания и размытые цвета Кингс-Кросс; пробегавшие за окнами прохожие были похожи на флаги, которые сносило ветром.

Проститутки и торговцы наркотиками прятались под навесами автобусных остановок, торчали в дверных проемах, курили сигареты и уныло глядели на мокрые улицы.

Четырехнедельный тур Play подходил к концу. Он оказался более успешным, чем тур Animal Rights несколько лет назад. Почти все площадки, на которых мы играли, заполнялись наполовину – и это был прогресс. Я с нетерпением ждал сегодняшнего концерта, потому что Mute, мой европейский лейбл, организовал для меня после концерта вечеринку в баре над клубом.

С самого начала тура я пил почти каждый вечер, но не знакомился с женщинами. Каждый раз я надеялся, что встречу прекрасную даму, которая подарит мне любовь и окажет поддержку. Но за все время этого короткого тура алкоголь не давал мне ничего, кроме опьянения.

Я знал, что должен с кем-нибудь познакомиться. Как вообще настоящий музыкант может отыграть концерт в Лондоне, а потом пойти на вечеринку, организованную для него рекорд-лейблом, и не найти ту, кого можно хотя бы поцеловать?

Пустой лоток с остатками моей еды, все еще блестящий от жирной картошки, отправился в переполненную урну, стоящую у дверей ресторана. Когда я вышел на улицу, дождь усилился, так что пришлось натянуть на голову капюшон куртки и поспешить к Scala.

В десять вечера мы начали 75-минутный сет для двухсот человек – публика заполнила зал наполовину. Во время «Next Is the E» я забрался на одну из концертных колонок на сцене,

---

²⁰ Веганские продукты – те продукты питания, которые употребляют последователи веганства – наиболее строгой формы вегетарианства, исключающей потребление пищи животного происхождения.

²¹ Саундчек – процесс настройки звукового оборудования.

²² Веган – последователь веганства. Моби – веган с подросткового возраста. Он также является влиятельным активистом по защите прав животных и экологии планеты.

пытаясь прикинуться рок-звездой, но мои кроссовки еще не успели просохнуть, и я поскользнулся. К счастью, никто, похоже, не заметил во вспышках стробоскопов моего падения. Аудитория вежливо аплодировала между песнями, и несколько человек даже сдержанно танцевали под некоторые старые композиции типа «Go».

После концерта мы с моими ребятами стянули потные концертные черные футболки и надели такие же, но свежие. На вечеринке несколько поклонников подошли ко мне, когда я заказывал водку, и сказали, что им понравился концерт. И альбом Play тоже. Я удивился: мне казалось, его никто и слушать не станет. Мы играли несколько песен из альбома, но они были медленнее и спокойнее, чем старые рэв-композиции, и их принимали не слишком хорошо. Пришлось убрать из сет-листа «Porcelain» – песня была такой тихой, что иногда во время ее исполнения я слышал чужие разговоры.

Я пил бесплатную водку и разговаривал с сотрудниками звукозаписывающей компании, но к часу ночи, абсолютно пьяный, остался в баре почти в одиночестве, в обществе бармена и уборщика. Бармен выключил магнитофон с кассетой Blur и врубил жесткий верхний свет.

– Извини, приятель, – в голосе его слышалось искреннее сочувствие, – вечеринка окончена.

Натянув армейскую куртку²³, я поплелся вниз по лестнице, на улицу, под дождь.

Меня переполняла жалость к себе. Я брел по мокрому тротуару, глядя на закрытые витрины магазинов, и думал: какой из меня музыкант, если мне не удалось ни с кем познакомиться на своей собственной послеконцертной вечеринке!

Стоя на пешеходном переходе, я заметил симпатичную светловолосую проститутку, которая пряталась от дождя под крышей автобусной остановки. Она курила и с прищуром оглядывала улицу. У нее были длинные и тонкие, алебастрово-белые ноги. Синий дождевик частично скрывал короткую юбку и желтый топик. Мне понравились ее освещенные коротко стриженные волосы и маленький курносый нос.

В последние несколько лет я часто встречался с разнообразными секс-работницами и никогда не платил за секс. Но сейчас, стоя под дождем на Кингс-Кросс в час ночи, понял, что мог бы заплатить этой женщине – за то, чтобы она пошла со мной в номер гостиницы. Мне очень нужен был кто-то рядом. Хорошо, если бы эта проститутка желала меня, но я уже настолько отчаялся получить признание, что согласился бы стать просто ее клиентом.

Как вообще настоящий музыкант может отыграть концерт в Лондоне, а потом пойти на вечеринку, организованную для него рекорд-лейблом, и не найти ту, кого можно хотя бы поцеловать?

Я хотел заговорить с ней, но не знал, что сказать. Мне казалось, что после вопроса «Сколько ты стоишь?» она посмотрит на меня с подозрением. Правда, увидев мою уязвимость, успокоится и даже, может быть, улыбнется. Мы пойдем в гостиницу, будем сидеть на кровати и разговаривать. Мы разделим друг с другом одиночество и, поскольку оба сломлены, полюбим друг друга. Да, она увидит мои пороки и недостатки и будет любить меня, не обращая на них внимания. Я обниму ее на продавленной гостиничной кровати, и мы забудем о наших бедах, зная, что спасаем друг друга. И наконец на рассвете мы заснем, заключив друг друга в объятия.

Несколько минут я стоял в телефонной будке, наслаждаясь своей фантазией и пытаясь собраться с духом и подойти к женщине. Меня терзал страх оттого, что она может отказать. Умом я понимал, что проститутки не отказывают тем, кто платит. Но мне казалось, что она посмотрит на меня и увидит подростка из отбросов общества, да еще с проблемами болезненной привязанности.

Кто-то рядом назвал меня по имени.

---

²³ Здесь имеется в виду куртка, которая была приобретена Моби в магазине благотворительной организации Армия Спасения «The Salvation Army».

– Моби! Что вы здесь делаете?

Я очнулся. Рядом стояли несколько сотрудников Mute. Я быстро ответил, даже слишком быстро:

– Возвращаюсь в гостиницу!

Они были в замешательстве: ведь я никуда не шел. Я прятался в укромном местечке на Кингс-Кросс в час ночи, разглядывая проститутку.

Они сделали вид, что все в порядке, что нормальным людям свойственно тупо стоять во мраке в телефонной будке под дождем.

– У нас встреча кое с кем в баре в вашей гостинице, – сказал один из них. – Хотите с нами?

– Конечно, – ответил я и бросил последний взгляд на красивую проститутку. Она склонилась к машине, что остановилась рядом с ней.

Сан-Франциско, Калифорния (1969)

Я поймал голубя.

Мама и ее друзья из Сан-Франциско накурились и отправились в парк Золотые Ворота устраивать пикник. Они пили вино, курили сигареты, сидя на разноцветном одеяле, а я бегал вокруг стаи сидящих на траве голубей, размахивая руками и пытаясь заставить этих ленивых птиц взлететь. Потом устал, запыхался и упал на одеяло.

– Эй, Мобс, поймай нам голубя, – сказал мамин друг Джейсон. Он, как и все мамини друзья из Сан-Франциско, в начале 60-х был опрятным подростком из Коннектикута. Сейчас же стал хиппи, жил рядом с Хейт-Эшбери, носил жидкую темную бородку и волосы до плеч.

– Ладно, – сказал я и пошел обратно к стае. Теперь я не махал руками, а просто подошел к толстому серому голубю и схватил его. Вернувшись к Джейсону, я протянул ему птицу. Голубь тихо курлыкал.

– Вот, – сказал я.

– Мобс, отпусти его, – тихо попросила мама.

Я ничего не понимал. Джейсон попросил меня поймать голубя. И я поймал. А теперь мама просит его отпустить. Взрослые – странные!

– Ладно, – сказал я и опустил голубя на землю. – Пока, друг!

Голубь наклонил голову, посмотрел на меня и пошел обратно к стае.

– Как ты это сделал? – спросил Джейсон.

– Просто взял его, – ответил я, удивляясь, что такую простую вещь нужно объяснять.

– Бетси, я думаю, он волшебник! – выдохнула Пайпер, одна из девушек-хиппи.

Мама улыбнулась.

– Наверное, ты права.

Мне не нравились ни Сан-Франциско, ни все эти странные хиппи. Но мне нравилось стоять на солнышке, нравилось, что мама улыбается и называет меня волшебником.

– Можно поймать еще одного голубя? – спросил я.

* * *

Из парка Золотые Ворота мы пошли на фестиваль искусств и ремесел. Куда бы мы ни отправлялись, сценарий у мамы и ее друзей был один и тот же: загрузиться в «Фольксваген», поехать куда-нибудь в Сан-Франциско, покурить наркотик, потусоваться с другими хиппи, снова покурить. Никто из маминих друзей, похоже, не работал, и время от времени они жаловались, что родители, оставшиеся в Коннектикуте, присылают им слишком мало денег.

Ярмарка искусств и ремесел проходила на городской площади, окруженной тощими деревцами. Там было полно хиппи, которые рисовали на асфальте, играли на гитарах, танцевали под барабаны. Мне все это казалось настоящим хаосом, поэтому я боязливо цеплялся за мамину кожаную сумочку с бахромой.

В Коннектикуте мама была коротко стриженной опрятной девушкой из Дариена, которая курила и слушала Jefferson Airplane. Но сразу после нашего прибытия в Сан-Франциско она делала все, чтобы забыть Коннектикут и вписаться в общество хиппи. Она отрастила длинные буйные светлые кудри. Стала носить развевающиеся оранжевые расписные платья и полинявшие джинсовые юбки. И хотя курение травы было запрещено законом, она с друзьями курила ее так же открыто, как мои бабушка с дедушкой и их друзья пили джин с тоником.

– Держи, Мобс, – сказала мама, улыбаясь. Наклонившись, она приколотла на мой комбинезон маленький серебряный значок. На нем был изображен пацифик – символ мира.

– Что это? – спросил я.

– Это знак мира, – сказала Пайпер. – Тебе нравится мир?

Я не очень-то понимал, что такое мир, но был рад еще одному значку. Теперь у меня их было два, считая тот, что с мультяшным самолетом.

* * *

На следующий день мама и ее друзья решили поехать на пляж и принять там наркотик. Они нашли недалеко от нашего жилья дешевый детский сад, которым управляли хиппи, и на время своего отсутствия решили отвезти меня туда. «Я вернусь вечером», – сказала мама, передавая меня на руки воспитателям. Я смотрел, как она с друзьями садится в «Фольксваген» и уезжает.

Детский сад располагался в старом викторианском доме, перед которым располагалась грязная площадка для игр. Вокруг меня бегали и возились в сером песке дети, но никто из них не был мне знаком. Я нашел грузовик «Тонка» с тремя колесами и катал его по песку, собирая в кузов камешки и мусор. И ждал, надеясь, что мама скоро вернется. Мне было три года, я был напуган и не понимал, почему она оставила меня одного.

Через несколько часов я завел пару друзей в песочнице, но все еще испытывал сильную тревогу. Работники детсада были недобрыми. Они курили сигареты, и от них пахло вином. Они угрюмо наблюдали за детьми и молчали.

Когда пришло время сна, мы вошли в здание, нам дали матрасы, и мы улеглись. Я заснул с надеждой на то, что мама вернется и разбудит меня.

Вскоре меня действительно разбудили, но не мама, а один из работников детсада, неопрятный парень с мутными глазами. Он был похож на других хиппи: полинявшие джинсы, футболка с непонятным рисунком, длинные черные волосы, густая борода. Он прижал палец к губам, взял меня за руку и отвел в туалет в задней части дома. Потом запер дверь изнутри и снова прижал палец к губам: «Ш-ш-ш! Тихо!»

Парень спустил штаны и сел на крышку унитаза.

– Вот, – сказал он, показывая на свой пенис, – можешь его потрогать.

Я не понимал, чего он хочет.

– Все хорошо, – сказал парень. – У тебя тоже такой есть. Его можно трогать.

Он положил мою маленькую руку на свой эрегированный член.

– Потри его, – сказал он и откинулся на бачок унитаза, пока я пытался делать то, что он говорил.

– А еще его можно взять в рот, – добавил он.

Потом обхватил руками мою голову и посмотрел мне в глаза:

– Ты молодец. Но никому не рассказывай. Понял? – Он крепче сжал мою голову. – Никогда.

Он отвел меня назад к матрасу, и я лег – без сна, без движения...

* * *

Мама и ее друзья забрали меня вечером.

– Привет, Мобс, извини, что задержались, – сказала мама, поднимаясь на крыльцо.

Я не знал, что сказать, поэтому смотрел вниз.

– Мобс! – озадачилась она. – Все хорошо?

– Он просто устал, – сказал один из ее друзей. – Уже поздно. Верно, дружок?

У меня было тяжело на душе, мне казалось, что я сейчас начну плакать и никогда больше не перестану.

Меня посадили на заднее сиденье «Фольксвагена», и мы поехали к дому.

– Весело было с новыми друзьями? – спросил Джейсон.

Я не мог ничего сказать.

Джейсон улыбнулся.

– Не волнуйся, завтра мы опять поедem на пляж, и ты снова с ними встретишься.

Нью-Йорк (1999)

Неожиданно и самым удивительным образом провальным альбом оказался не провальным.

Четырехнедельный тур был закончен, и я вернулся домой в Нью-Йорк. В городе что-то происходило. Что-то странное – продажи Play росли с каждой неделей, хотя альбом вышел уже месяц назад. Когда в 1995 и 1996 годах я выпустил Everything Is Wrong и Animal Rights, успешнее всего они продавались в первую неделю после выхода, а потом быстро канули в безвестность.

Но сейчас все было не так: Play не исчезал из вида. И, соответственно, из вида не исчезал и его автор. Я смотрел на самого себя с рекламного щита высотой 50 футов на углу Бродвея и Хаустон-стрит²⁴.

После выхода Play со мной связались представители компании «Calvin Klein». Они предложили мне участвовать в кампании продвижения их продукции. Никто прежде не предлагал мне рекламировать одежду – и я согласился.

Фотосессия проходила в лофте площадью 5000 квадратных футов в Челси. В огромном зале было полно еды, работников «Calvin Klein», вешалок с одеждой и прожекторов размером с бочку. Для съемок с моим участием в углу огромной студии построили декорацию пустыни. Меня одели в темные джинсы и темную джинсовую куртку, в которых я стал похож на мужчину-проститутку из окрестностей Эль Пасо.

Через несколько недель после фотосессии я снова оказался в Нью-Йорке и решил навестить своего друга Дэмиена. Солнце уже село, и небо имело тот темно-синий цвет, который бывает перед наступлением настоящей черной ночи. Воздух был таким же теплым, как моя кожа. Магазины распродаж и салоны маникюра уже закрылись на ночь, я шел через Сохо вниз по Грин-стрит.

Когда я переехал в Нью-Йорк в 1989 году, Сохо представлял собой дикую пустошь без уличного освещения. В нем располагались галереи и студии художников, но по большей части в районе было пусто, как на картинах Эдварда Хоппера²⁵. Сейчас же галереи сменились шикарными бутиками, и я даже слышал, что Шанель и Прада собираются открыть здесь свои магазины.

Двигаясь на запад, я прошел по Гранд-стрит, мимо «Lucky Strike» – ресторана, в котором в 1990 году мне довелось работать диджеем. За работу мне платили едой – спагетти и салатом.

Я пересек Канал-стрит, миновал пустынный микрорайон Трайбека и прошел несколько кварталов до студии Дэмиена. Этот парень был одним из самых близких моих друзей с 80-х годов, мы делили с ним жилье десять лет назад. Невероятно одаренный художник, он мог писать картины, только если снимет рубашку. Мир искусства относился к нему с опаской. Дэмиен страдал социофобией и был человеком со странностями.

Добравшись до студии, я обнаружил своего друга стоящим перед огромной картиной, изображавшей бассейн. Само собой, Дэмиен был обнажен по пояс. Завидев меня, он радостно засмеялся, натянул футболку-поло, выключил громохочущую музыку – диск Nine Inch Nails – и запер студию.

---

²⁴ Здесь упоминается огромный рекламный щит компании «Calvin Klein», для которого Моби снялся в джинсовом костюме этого производителя. Билборд стоял в Нью-Йорке на углу Бродвея и Хаустон-стрит в 1999 году.

²⁵ Эдвард Хоппер – американский живописец и гравер, представитель жанровой живописи. Основная тема творчества художника – одиночество человека.

Когда мы вышли на улицу, в нос ударил запах мочи, мимо прогромыхал самосвал, и в узком ущелье, которое образовали высотки, грохот усилился. Не то чтобы мне нравился запах мочи или грохот самосвалов, но они были частью Нью-Йорка, а я любил его безусловно. Здесь я родился, он казался мне безопасным, словно средневековый город с крепостными стенами.

Мы встретили ночь на крыше высокого здания в Челси. Я быстро опрокинул три порции спиртного и, чувствуя, как водка растекается по венам, разглядывал Эмпайр-стейт-билдинг. И размышлял о том, что Нью-Йорк – это парадокс. Снаружи он казался суровым, но его сердце – мягкое и заботливое. Оно нашептывало мне: «Я никогда тебя не разочарую!»

Когда я переехал в Нью-Йорк в 1989 году, Сохо представлял собой дикую пустошь без уличного освещения.

Я стоял на краю крыши. Дэмиен подошел и спросил:

– Что делаешь?

– Персонифицирую Нью-Йорк.

– Пойдем отсюда?

Я прикончил четвертый стакан.

– Пойдем.

Мы отправились в новый клуб на Бликер-стрит, где я выпил еще. К часу ночи стало понятно, что, похоже, никто не собирается с нами знакомиться. И поэтому мы побрели дальше на юг. В баре на Брум-стрит натолкнулись на нашего друга Фэнси.

– Отлично выглядишь, – сказал я ему. Фэнси был одет в черный костюм-тройку, а в руках держал маленький чемоданчик. Как потом выяснилось, в нем лежали игральные карты, темносиние вязаные носки и бутылка виски.

– А ты выглядишь уныло, – ответил он, прижав ладонь к моему лбу, проверяя, не болен ли я. – Ты в порядке?

Много лет мы с ним ходили по барам пять раз в неделю, носили одежду из комиссионки и компульсивно пили.

В два часа ночи Дэмиен отправился домой. Мы с Фэнси выпили еще по несколько порций и пошли в Sway. Мы всегда старались закончить вечер именно там: бар очень поздно закрывался и был полон таких же, как мы, испорченных пьяниц. Мы заказали пиво. Это было безопасно. Крепких напитков мы перебрали. А пиво никогда не считали настоящим алкоголем, оно было для нас такой «ночной газировкой».

Я знал, что слава погубила и уничтожила множество людей. Но был уверен, что смогу пройти путь к успеху, который они пройти не смогли.

Диджей поставил старую запись Smith, и я танцевал под нее с красивой женщиной из Норвегии, с которой меня познакомил Фэнси. Я взял нам по пиву, и мы нашли кабинку в уголке танцпола.

– Хочешь еще выпить? – спросил я, когда мы сели.

– Нет, – ответила она, глядя на свой нетронутый стакан с пивом. – Еще это не допила.

– Ладно! – Я добрал до бара и взял еще два пива, просто чтобы ко времени закрытия бара иметь какой-то запас спиртного.

Мы говорили о Норвегии, где мне приходилось бывать несколько раз, а затем я потянулся поцеловать ее.

– Извини, у меня есть парень, – сказала она.

– О! – Из меня словно выпустили воздух. – Хорошо...

Музыка смолкла, зажегся свет. Бар мгновенно превратился из загадочной игровой площадки в неказистое помещение, полное слепо моргающих алкоголиков и наркоманов.

– Мне нужно найти друзей, – сказала моя новая подруга. И оставила меня в кабине одного.

Я оглядел бар в поисках других женщин, к которым можно было бы подкатить. Но все, похоже, уже нашли себе пару или уходили. Я допил пиво и пожелал Фэнси доброй ночи. Во мне плескалось 12, а может, и все 15 порций спиртного. Я был сильно пьян.

На углу Бродвея и Хаустон-стрит мое собственное рекламное изображение высотой в пять этажей сделало мне ручкой. Я терпеть не мог ночи, когда не удавалось с кем-то пофлиртовать или быть узанным. Но мое фото высотой в 50 футов улучшило мне настроение.

В уме всплыла цитата из Библии: «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Вредить своей душе я не хотел, но мне нравилось, что Play продается лучше, чем другие мои альбомы. Скорее всего, долго так продолжаться не может, решил я, и «приобрести весь мир» – это мне не грозит.

С Богом у меня складывались сложные отношения. В старшей школе я был панк-роке-ром-атеистом, а позже, в 80-е, стал очень серьезным христианином. К середине 90-х оставил формальную приверженность церкви, но все еще молился в одиночестве и считал себя хорошим, духовным человеком. При этом я цеплялся за все выгоды, которые давала моя скромная слава. Но мне по-прежнему нравилось считать себя истинным адептом учения Христа: мне казалось, что материализм и мирская суета не входят в мою систему ценностей.

Я хотел жить правильно. Но был подавлен и одинок. Меня не оставляла убежденность, что известность может это исправить. Возможно, люди увидят меня на плакате и решат, что я что-то значу, думалось мне. Или какая-нибудь женщина прочитает обо мне в журнале, а потом, если мы встретимся, она меня полюбит.

Я знал, что слава погубила и уничтожила множество людей. Но был уверен, что смогу пройти путь к успеху, который они пройти не смогли. Смогу приобрести весь мир и при этом сохранить свою жалкую душу.

Остин, Техас (1999)

– Где Натали Портман?

– У двери на сцену.

Только что закончился концерт в Остине – мы играли для 450 человек на площадке вместимостью в пять сотен. Я подошел к двери, уверенный, что это недоразумение или шутка, но там была Натали Портман – стояла и спокойно ждала. Она посмотрела на меня – у нее были чудесные черные глаза – и сказала:

– Привет.

– Привет, – просто ответил я. Как будто это обычное дело. Как будто мы знакомы. Как будто кинозвезды постоянно приходят ко мне после концертов.

Я провел Натали в гримерную и добыл ей бутылку воды: она хотела пить. Моя группа и техники стояли рядом с нами. Мои ребята молчали и явно чувствовали себя неловко. К нам никогда не приходили кинозвезды, и никто из нас не знал, что говорить и что делать.

– Так вам понравился концерт? – спросил я у Натали.

– Очень! – ответила она. На ней были джинсы и белая футболка; ее темные волосы стягивала в хвост разноцветная резинка. Мне нравилась ее простая прическа. – Песни из Play отличные.

Натали села на черный кожаный диван и улыбнулась. Мое сердце остановилось и забилося вновь спустя вечность.

Я занервничал и стал болтать всякую чушь.

– Через несколько дней мы будем в Нью-Йорке, – сказал я. – На Video Music Awards.

Она снова улыбнулась и посмотрела прямо мне в глаза.

– Я тоже буду в Нью-Йорке. Мы можем встретиться?

Мне стало неловко. Я был лысым запойным алкоголиком, жил в квартире, в которой пахло плесенью и старыми кирпичами. А Натали Портман была прекрасной кинозвездой. Но она сидела в моей гримерной и заигрывала со мной.

– Да, давайте встретимся в Нью-Йорке, – сказал я, пытаясь изобразить такую степень уверенности, какой на самом деле никогда в жизни не ощущал.

– Ладно, мне пора, – сказала она. – Не проводите до машины?

* * *

Неделей позже я стоял в мезонине Линкольн-центра и ставил пластинки во время рекламных перерывов трансляции MTV Video Music Awards. Несколько тысяч человек в театре наблюдали, как Бритни Спирс и Eminem выступают и получают награды. А я пребывал в одиночестве в огромном холле с двумя вертушками и несколькими пластинками, которые принес с собой.

В тот вечер в звукозаписывающей компании меня спросили: есть ли в моем гардеробе одежда, в которой можно появиться перед камерой. Лучшим, что я смог найти, был золотой костюм Элвиса, который я купил в магазине Армии Спасения²⁶ несколько лет назад. Он был слишком велик для меня, его ни разу не стирали, но, надев его, я сиял, как радиоактивный клоун.

---

²⁶ Армия спасения, «The Salvation Army», – международная благотворительная христианская организация, в магазинах которой зачастую затаривались Моби и его мама по причине нехватки денег.

После шоу передо мной предстала Натали. На ней было прекрасно скроенное бежевое платье, и она выглядела удивительно похожей на Одри Хепберн.

– Как тебе мой костюм? – спросил я, нервно улыбаясь.

– Интересный, – ответила она. – Что будешь делать дальше?

– Играю на ночном концерте у Донателлы Версаче, – сказал я. – Хочешь пойти?

– Выступаешь диджеем?

– Нет, играю живьем.

– Хорошо, – сказала она, положила руку на мой сияющий золотой рукав и повлекла меня прочь из Линкольн-центра. Мне было 33, а ей всего 20²⁷, но я не удивлялся ее уверенности. Она вела меня по своему миру. Я хорошо знал бары, стрип-клубы и веганские рестораны, но ничего – о церемониях награждения и красных дорожках. Натали ждал лимузин с водителем и телохранителем. Мы решили, что, прежде чем отправиться на ночное шоу, заглянем на вечеринку в отеле «Гудзон».

В лимузине мы обсуждали наши любимые вегетарианские рестораны, а ее шестифутовый телохранитель старался делать вид, что ни в чем меня не подозревает. Возле отеля мы вышли из лимузина навстречу сплошной стене фотовспышек. Раздавались крики:

– Натали! Там Натали!

– Натали и Моби! Сюда!

Папарацци называли меня по имени! Они никогда не снимали меня. Никто прежде не выкрикивал «Моби!», если только не был на меня зол. Я был в восторге. Я хотел стоять и купаться в ослепительных вспышках еще и еще, но Натали взяла меня за руку и увела в отель.

Я пошел к бару и заказал две водки с содовой для нас обоих.

– О, я не пью! – сказала она, оглядывая зал. Люди вокруг смотрели на нас.

– Ничего, если я выпью?

– Хорошо.

В нескольких футах от нас я увидел Джо Перри и Стивена Тайлера из Aerosmith. У обоих были прекрасно уложенные длинные волосы и сшитые на заказ кожаные костюмы рок-звезд. Джо Перри поймал мой взгляд.

Я хотел стоять и купаться в ослепительных вспышках еще и еще, но
Натали взяла меня за руку и увела в отель.

– Хей, ты же Моби? – спросил он.

– Да, а вы Джо Перри.

– Чувак, я хочу сказать, что мне очень понравился твой альбом.

– Правда?

В последнее время мне часто говорили такое про Play, и это уже не удивляло, но все еще смущало.

Я уже захмелел, поэтому стал рассказывать Джо и Стивену, как первый раз целовался в 11 лет. Мне тогда нравилась Лиззи Гордон, и в конце учебного года я как-то убедил ее послушать музыку у меня дома. Я хотел выглядеть опытным мужчиной, поэтому сделал нам по джину с тоником. То и другое пришлось стянуть из дедушкиного шкафчика с алкоголем. У меня было всего три пластинки, и сначала я поставил альбом Aerosmith. Когда началась «Dream On», я потянулся к Лиззи и поцеловал ее. К несчастью, мне еще никогда не приходилось целоваться по-настоящему. Я не знал, как это делается. Мои губы были сомкнуты, и я поцеловал ее так же,

---

²⁷ Здесь Моби ошибся в возрасте Натали Портман. На тот момент ей было 18 лет (родилась 9 июня 1981 года, церемония ВМА 1999 года состоялась 9 сентября). Сразу после выхода этой книги мемуаров Моби атаковали в соцсетях за упоминание отношений с Натали. Сама актриса назвала все изложенное ложью, отметив, что на тот момент была еще совсем ребенком и не могла даже подумать о том, чтобы встречаться с 33-летним музыкантом. Из-за поднявшейся волны негатива музыкант прервал свое международное турне в поддержку книги, принес извинения актрисе и замолчал в социальных сетях на несколько месяцев. 18-летний возраст Натали Портман станет основным аргументом обвинений против Моби.

как целуют родных на Рождество. На следующий день она начала встречаться с моим лучшим другом Марком Дротманом, потому что он был симпатичнее и умел целоваться.

Я думал, что Джо и Стивену понравится эта история, но они равнодушно смотрели на меня, а Тайлер спросил:

– Ты с Натали Портман?

– Думаю, да, – ответил я.

– Она горячая штучка, – сказал он. И отошел.

Я допил оба коктейля. Мы с Натали направились на вечеринку Версаче, там я должен был выступить в полночь. Когда мы уходили, папарацци снова принялись кричать: «Натали! Моби! Натали!»

– Они такие назойливые, – сказала Натали, когда мы сели в ее лимузин.

– Ох, покоя от них нет! – сыграл я утомленную славой звезду.

Мне папарацци понравились: они знали, как меня зовут.

Мое обычное существование было плоским, наполненным сомнениями, а эта новая жизнь оказалась волшебной.

На вечеринке Донателлы Версаче папарацци было еще больше, чем на официальной церемонии VMA. И мое имя выкрикивали так же часто, как имя Натали. Я выпил всего два коктейля, но находился в таком состоянии, словно проглотил винокурню, полную хмельного восторга. Я держал за руку Натали Портман; я говорил с Aerosmith; папарацци кричали «Моби!».

В юности я был левым панк-рокером и презирал всю эту звездную тусовку. Я предпочитал людей вроде Йена Маккея и группы типа Minor Threat и Fugazi: они сознательно избегали славы. Но сейчас ко мне пришло осознание того, что моя зарождающаяся известность похожа на теплый янтарь: она наполняла меня ощущением ценности, которого я никогда не знал. Считается, что крутым звездам следует быть уверенными и не беспокоиться о своей славе, но каждая капля внимания, которую я получал, походила на каплю живительной влаги, падающей на высушенную губку. Мое обычное существование было плоским, наполненным сомнениями, а эта новая жизнь оказалась волшебной. И она началась с Play, странного маленького альбома, который должен был провалиться!

Перед выступлением моя группа собралась в одном из офисов, который ребята быстро превратили в гримерную. Мы переоделись в джинсы и футболки и вышли на сцену перед Донателлой Версаче и полутора тысячами ее лучших друзей. Исполнив несколько песен, мы заиграли «Honey»²⁸, и я нашел взглядом Натали. Она танцевала вместе с Мадонной и Гвинет Пэлтроу. Женщины, смеясь, в унисон вскинули руки, приветствуя меня.

Неожиданно у меня возникло жгучее желание остановить концерт и объяснить всем этим звездам, что они ошибаются. Они приветствовали меня, а я был никем. Я был мальчишкой из Коннектикута, одетым в штаны и рубашку из секонд-хенда. Я сидел на переднем сиденье потасканного автомобиля рядом с матерью, а она плакала и пыталась придумать, где достать денег на продукты... Я был депрессивным подростком, и моя первая группа выступала во дворе перед аудиторией, состоявшей из одной собаки. Мой единственный миг славы в рэйве пришелся на начало 90-х. Теперь был 1999 год, и я чувствовал себя увядающим комнатным растением...

Мы продолжали играть, и звезды танцевали и веселились.

Каким-то образом для меня открылась дверь в этот сияющий золотой мир. И Натали, и Гвинет, и Мадонна, и Дэвид Леттерман, и Элтон Джон не давали ей закрыться. Они улыбались и говорили, что любят меня.

---

²⁸ «Honey» – первая композиция из альбома Play. Основным сэмплом в треке была а капелла Бесси Джонс «Sometimes». Трек, как и многие другие из альбома Play, использовался в рекламных роликах.

Если бы девятнадцатилетний Моби, яростный адепт панк-рока, увидел происходящее, то презрительно спросил бы меня:

– Ты купился на эту звездную чушь? Ты же знаешь, что все это – лживое торжество коммерции и лицемерия!

А я бы ответил:

– Смотри, это Натали Портман, и она хорошо ко мне относится!

Олд-Сэйбрук, Коннектикут (1971)

Мама медленно вела наш автомобиль в плотном потоке машин на дороге И-95 и курила одну сигарету за другой. Мы выехали из Дариена 45 минут назад, и первые полчаса я провел, попеременно слушая по радио все FM-станции. Мамин «Плимут» находился в ремонте, и она позаимствовала у друга «Фиат». В нем были FM-радио и кондиционер, а я никогда не ездил в столь шикарно оснащенных автомобилях.

– Можно включить кондиционер? – спросил я.

– Нет, он тратит бензин, – ответила мама, выдохнув сигаретный дым.

Я вернулся к радио и стал вращать ручки приемника. Песни, которые звучали на разных каналах, были мне неизвестны. Неожиданно мама сказала:

– Подожди, оставь.

Мы стали слушать песню.

– Как она называется? – спросил я.

– «Big Brother and the Holding Company».

Мама подпевала Дженис Джоплин и постукивала пальцами по рулю, обтянутому коричневой кожей. Белая сигарета в ее пальцах казалась крохотной дирижерской палочкой. Я открыл окно со своей стороны – впустить немного свежего воздуха.

Мы ехали в Олд-Сэйбрук к маминой подруге Джанет. Они с мамой вместе выросли, а в конце 60-х подались в хиппи. В новом десятилетии ни они, ни их друзья уже не называли себя так. В среде этих людей стали модными слова «искатель», «бродяга», «чудак». Но я про себя продолжал называть их хиппи.

Я никогда не рассказывал о произошедшем со мной в Сан-Франциско. И помнил это только потому, что все еще боялся всех длинноволосых бородатых мужчин.

Дверь веранды открылась, и появилась Джанет – улыбающаяся, высокая, с длинными выющимися волосами, в ярком фиолетово-желтом платье.

После Бриджпорта дорога стала свободнее, и мы гнали во всю мочь до самого Олд-Сэйбрука. Я предпочел бы провести выходные в «Фиате»: он был чистый и казался безопасным, а в старом грязном доме Джанет меня одолевал непонятный страх. Дом стоял в конце грунтовой дороги, в нем умещались гостиная с гобеленами на стенах и старым диваном, кухня размером со шкаф и чуть более просторная спальня. От дороги к нему вела полоса гравия. Мы осторожно пробрались по ней и припарковали «Фиат» возле веранды с решетками, закрытыми кусками пенопласта. Мама открыла багажник и достала дорожную сумку с вещами и еще одну сумку, хозяйственную, с тремя бутылками вина из одуванчиков. Вино делал для нее один из друзей-хиппи – из тех, что «вернулись к природе».

Дверь веранды открылась, и появилась Джанет – улыбающаяся, высокая, с длинными выющимися волосами, в ярком фиолетово-желтом платье.

– Бетси! – воскликнула она, закашлявшись от дыма травки.

– Джанет! – радостно ответила мама. – Лохматое ты старое чучело!

Они обнялись. Джанет вручила маме самокрутку в мундштуке.

Я вошел в дом вслед за ними, разглядывая гостиную. Рядом с гобеленами на стенах Джанет приклеила портреты Эбби Хоффман²⁹ и Кришнамурти. Роль кофейного столика играла деревянная дверь, поставленная на бетонные блоки. На ней красовалась внушительная коллекция полупустых винных бутылок и самодельных керамических пепельниц, полных окурков.

---

²⁹ Эбби Хоффман – американский левый активист, основатель протестного движения йиппи в 60—80-х годах XX века.

Я знал, что в молодости Джанет училась в частной школе и ездила верхом. Ее отец был старшим вице-президентом инвестиционного банка Bear Stearns. А потом она сменила стильные рубашки и брюки «Izod» на мешковатую одежду, окрашенную вручную, и куртки из оленьей кожи – стала хиппи. Сейчас же сидела с мамой на диване, и они передавали друг другу косяк.

– Я купила карты Таро, – сказала мама. – Можно узнать наши судьбы.

– Давай заглянем далеко в будущее, – ответила Джанет, ее голос немного охрип от табака. – Очень далеко!

– Мам, я пойду погуляю, ладно? – спросил я.

– Давай, – сдавленно сказала мама: не хотела открывать рот, чтобы не выдыхать дым.

Я прошел через задний двор и направился к старому кладбищу. Там мне было не страшно, хоть и говорили, будто у того, кто зевает среди могил с широко открытым ртом, мертвецы могут забрать душу. На кладбищах я старался вообще не размыкать губ.

Я бродил от могилы к могиле, читая надписи на надгробиях. Мой дядя Дэйв делал угольные копии интересных эпитафий, и мне хотелось найти необычную и рассказать ему о ней. У него в студии была одна эпитафия, очень страшная – история о человеке, который убил жену и детей, а затем пошел в город и застрелился. К сожалению, большинство надписей были совершенно обычными: «Ребекка Уолтхэм, любимая жена и мать», «Томас Гудкайнд, упокой Господь его душу».

Позади замшелой статуи крылатого ангела я нашел дикую землянику. Ягоды были твердыми и не особо сладкими. Пытаясь их прожевать, я сел у ног ангела и вспомнил о своей бабушке.

Прошлым летом в Дариене я гулял с дедушкой, и он заметил у старого амбара дикую малину. Мы съели по горсточке, а остальное отнесли бабушке. «Она сварит варенье», – сказал дедушка. Я тогда думал: «Вот настоящее волшебство! Мой близкий человек может превратить малину в варенье!»

Моей храбрости хватало на прогулку по кладбищу днем, но не ночью.

Позади крылатого ангела стояло высокое дерево, и я полез на него, надеясь увидеть с высоты Лонг-Айленд. Я залез так высоко, как мог, перепачкав руки в смоле, и посмотрел на юг. На небе за рекой сквозь облака прорывались яркие солнечные лучи. А в отдалении виднелся Лонг-Айленд. Я просидел на верхушке дерева полчаса, наблюдая, как свет пляшет на серой воде океана, и наслаждаясь молчаливой красотой и спокойным великолепием пейзажа.

Когда стало темнеть и похолодало, я слез с дерева. Моей храбрости хватало на прогулку по кладбищу днем, но не ночью. Я прошел вдоль старой каменной стены, перевернул несколько крупных камней, нашел под ними несколько многоножек и колорадских жуков и вернулся в дом Джанет, как раз когда стало совсем темно.

Мама, Джанет и еще двое их друзей сидели вокруг импровизированного стола из деревянной двери, переворачивая карты Таро. Их глаза блестели, а на лицах блуждали глупые улыбки – травка и вино из одуванчиков делали свое дело. Джанет запихивала травку в конверт от пластинки DeJa Vu Бинга Кросби, Стилса, Нэша и Янга. Хиппи обычно посвящали много времени отделению листьев конопли от семян с помощью разворотов таких конвертов.

– Привет, Мобс! – сказала Джанет, ее голос был хриплым. – Где был?

– Просто гулял, – ответил я, несколько не удивляясь тому, что никто не заметил моего трехчасового отсутствия. В такие выходные у Джанет мама накуривалась с друзьями, а я всегда уходил. Рядом не было ни других детей, ни игрушек, и я научился исследовать окрестности и придумывать себе игры. Правда, чаще всего просто бродил вдоль ручья и искал лягушек.

– Если хочешь есть, там суп на кухне, – сказала мама. Я налил себе супа и намазал маслом кусок хлеба. В кухне стоял маленький стол, я устроился за ним, ужиная и листая «Всемирный каталог», библию хиппи. Текст меня не интересовал, зато в книге были картинки.

Пришел Чарли, один из гостей-друзей Джанет, и налил себе стакан водки из бутылки, стоявшей на полке над плитой. Он выглядел так же, как все хиппи мужского пола: длинные волосы, бакенбарды, грязные джинсы и старая куртка.

– Привет, пацан, – сказал он.

– Привет, – ответил я, надеясь, что он скоро оставит меня в покое.

– Читаешь? Сколько тебе лет?

– Почти пять с половиной.

– А ты не маловат для пяти?

Я хотел сказать: «Вы меня пугаете. Оставьте меня в покое, пожалуйста». Но вместо этого ответил:

– Не для пяти, а для пяти с половиной. Я не знаю.

Он кивнул и поплелся обратно в гостиную, где кто-то только что поставил пластинку Ричи Хейвенса³⁰. Мама с друзьями постоянно слушала музыку, и я с уверенностью мог различить исполнения Донована³¹, Doors и Хейвенса. Мне нравились медленные песни, а вот громких я боялся.

Я доел суп и подошел к холодильнику, чтобы взять из него мороженое. Джанет могла воинственно отрицать западное общество наживы и потребления и его ложные ценности, но в морозилке у нее всегда было полно мороженого. Я набрал большую тарелку шоколадного, ванильного и клубничного и налил стакан апельсинового сока. Отложил «Всемирный каталог» и принялся за «Альманах фермера». Он был скучный и взрослый, но больше листать было нечего.

В гостиной имелись другие книги, но я не хотел туда идти. Напившись, мама и ее друзья переставали быть взрослыми, то есть здравомыслящими, людьми. Когда мама накуривалась, а это случалось почти каждый день, она менялась. Я ее не узнавал. Она скрывала, что курит наркотик, от родителей, но открыто говорила об этом со всеми остальными.

Напившись, мама и ее друзья переставали быть взрослыми, то есть здравомыслящими, людьми.

Я доел мороженое и поставил тарелку в раковину. Пора было ложиться спать, но никто не собирался готовить мне спальное место. Обо мне забыли. Я неохотно вошел в задымленную гостиную. Джанет на диване целовалась с хиппи, у которого были очень длинные волосы. Мама и Чарли сидели очень близко друг к другу, гадая на картах Таро.

– Мам, где мне спать? – спросил я.

– Ложись где хочешь, – ответила она и отвернулась от меня к Чарли.

Я не мог лечь в кровать Джанет, потому что это была кровать Джанет. Я не мог лечь на диване – там она обнималась с волосатым хиппи. Я не мог спать в машине, потому что продрог бы в ней.

Поэтому я взял с края дивана подушку и индейское одеяло и забрался под кофейный столик. Места там было немного. Но, как заметил Чарли, я был маловат для пятилетнего мальчика, и это решило дело.

---

³⁰ Ричи Хейвенс – известный американский гитарист.

³¹ Донован Филипс Литч – американский гитарист и певец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.